

Тимохин Никита Леонидович

аспирант, Российский государственный социальный университет, Москва.

Электронный адрес: timohin_nikita@mail.ru

Nikita L. Timokhin

Postgraduate, Russian State Social University, Moscow.

E-mail address: timohin_nikita@mail.ru

ОХРАНОСПОСОБНОСТЬ РЕЗУЛЬТАТОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы охраноспособности результатов использования искусственного интеллекта как способа создания контента, нуждающегося в определении его места в системе правового регулирования. Автором предлагается рассмотрение проблемы охраноспособности результатов использования юнита искусственного интеллекта как с точки зрения субъектной теории, предполагающей наличие элементов правосубъектности у искусственного интеллекта, так и с позиций объектной теории, исходящей из невозможности авторства искусственного интеллекта. Автор приходит к выводу, что произведения, созданные с использованием юнита искусственного интеллекта, являются охраноспособными, но за искусственным интеллектом не может быть признано авторство на результаты интеллектуальной деятельности.

Ключевые слова: правовое регулирование, искусственный интеллект, охраноспособность, результаты интеллектуальной деятельности, авторское право, правосубъектность.

Для цитирования: Тимохин Н.Л. Охраноспособность результатов использования искусственного интеллекта // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2025. № 4. С. 109–117. DOI: 10.18137/RNU.V9276.25.04.P.109

PROTECTABILITY OF THE RESULTS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE APPLICATION

Abstract. The article addresses the protectability of the results of the artificial intelligence using as a method of content creation, which needs to determine its place in the system of legal regulation. The author proposes the consideration of the problem both from the point of view of the subject theory, assuming the presence of elements of legal personality of artificial intelligence, and from the standpoint of the object theory, proceeding from the impossibility of authorship of artificial intelligence. The article concludes that works created with the use of artificial intelligence are protectable, but artificial intelligence cannot be recognized as the authorship of the results of intellectual activity.

Keywords: legal regulation, artificial intelligence, protectability, results of intellectual activity, copyright, legal personality.

For citation: Timokhin N.L. (2025) Protectability of the results of artificial intelligence application. *Vestnik of Russian New University. Series: Man and Society.* No. 4. Pp. 109–117. DOI: 10.18137/RNU.V9276.25.04.P.109 (In Russian).

Прорывной характер технологии искусственного интеллекта представляет собой существенную особенность для развития области авторских и смежных прав. Особенности влияния искусственного интеллекта на развитие сферы авторского права обусловлено тем обстоятельством, что на данный момент не определено место искусственного интеллекта в системе права. Основной целью авторского права является предоставление правовой охраны результатам интеллектуальной деятельности, полученным в результате творческого процесса, а также их распространение в отношении неопределенного круга лиц. В случае с использованием результатов применения искусственного интеллекта возникает, в сущности, аналогичная проблема, связанная с необходимостью предоставления или непредоставления правовой охраны таким результатам. Как отмечается в [1], основным фактором, которым необходимо для признания того или иного результата объектом авторских прав, служит его творческий характер. Иначе говоря, произведением, которому предоставляется правовая охрана, является лишь результат творческой деятельности.

При этом в отношении охраноспособности результатов применения искусственного интеллекта выдвигаются следующие условия:

- (1) наличие авторства;
- (2) наличие творческого характера произведения;
- (3) объективная форма выражения результатов применения искусственного интеллекта [2]. Действительно, данные критерии являются основополагающими в контексте предоставления или непредоставления правовой охраны результатам интеллектуальной деятельности, поскольку без их наличия объект не будет считаться охраноспособным.

В отношении авторства юнита искусственного интеллекта выше была высказана позиция относительно невозможности признания подобной квалификации, поскольку он является объектом, а не субъектом права. На это обстоятельство прямо указывает Ю.С. Харитонов, которая отмечает, что результаты применения искусственного интеллекта не могут быть признаны объектами исключительных прав: на них могут быть установлены субъективные права как на обладающие ценностью и участвующие в обороте объекты [3] (со стороны правообладателей или иных лиц. – *Н.Т.*). Иначе говоря, на данный момент в доктрине господствует *объектная теория* искусственного интеллекта, не предполагающая возможности его самостоятельного участия в гражданском обороте как субъекта права, поскольку его функционирование опосредуется оператором юнита искусственного интеллекта.

В целом поддерживается позиция, что программное обеспечение, под которым понимается юнит искусственного интеллекта, не может быть автором произведения как формально, так и фактически [4]. Действительно, *de lege lata* юнит искусственного интеллекта не может быть признан автором произведения, однако права на результаты такой деятельности могут принадлежать оператору такого юнита. При этом аналогичный вывод характерен и для ситуаций *de lege ferenda*, поскольку на данный момент затруднительно представить юнит искусственного интеллекта в качестве автора в текущем интеллектуально-правовом понимании данной категории.

Правовое регулирование правосубъектности юнитов искусственного интеллекта в любом случае предполагает необходимость определения места искусственного интеллекта в системе правоотношений.

Охраноспособность результатов использования искусственного интеллекта

В данном случае применимыми являются два подхода:

- *объективный* – предполагает признание исключительно объектного характера юнитов искусственного интеллекта, которые будут выступать лишь в качестве объекта регулирования;
- *субъективный* – исходит из того, что обладание искусственным интеллектом предполагает наделение его правосубъектностью или ее элементами.

В дело DABUS¹ были затронуты основополагающие аспекты авторского права, которое Стивен Талер пытался признать за своим изобретением. После ряда неудачных судебных споров в иностранных юрисдикциях (Великобритания, Бразилия и т. п.) он пытался изыскать возможность обеспечения правовой охраны изображения, сгенерированного с использованием юнита искусственного интеллекта. Он попытался зарегистрировать авторское право (после неудачи в регистрации ряда патентных заявок в отношении DABUS'a) на данное изображение в United States Copyright Office, однако получил отказ на том основании, что результаты интеллектуальной деятельности, включая изображения, созданные с использованием нейросетей, не подлежат правовой охране. В исковом заявлении Талер назвал DABUS машиной для творчества (Creativity Machine), приводя в пример созданное выше изображение, хоть и достаточно примитивное, но все же, по его мнению, заслуживающего предоставления правовой охраны. При этом суд

отклонил его иск на том основании, что авторство человека является неотъемлемой частью обоснованной претензии на возникновение авторского права в отношении результата интеллектуальной деятельности. В то же время суд отметил, что действительное авторское право существует с момента создания квалифицируемого произведения и «помимо» регистрации; свидетельство о регистрации лишь подтверждает, что авторское право существовало все это время.

Отказав в регистрации, Реестр пришел к выводу, что действительного авторского права на произведение, созданное без участия человека, никогда не существовало, поэтому регистрировать нечего и, следовательно, нет вопроса о том, кому принадлежит эта регистрация. Единственный правильно поставленный вопрос заключается в том, действовал ли Регистр произвольно, капризно или иным образом в нарушение Закона США об административной процедуре², придя к такому выводу. Реестр не ошибся, отказав истцу в заявке на регистрацию авторских прав. Закон об авторском праве Соединенных Штатов защищает только произведения, созданные человеком.

Истец просит признать охраноспособным данное произведение на том основании, что авторское право на протяжении всей его истории являлось гибким и приспособлялась к новым обстоятельствам. Суд подтверждает, что гибкость заложена в Законе США об авторском праве³, который предусматривает, что авторское право распространяется на оригинальные

¹ United States district court for the district of Columbia. Case 1:22-cv-01564-BAH Document 24 Filed 08/18/23 URL: <https://www.copyright.gov/ai/docs/district-court-decision-affirming-refusal-of-registration.pdf> (дата обращения: 01.07.2024).

² Administrative Procedure Act (5 U.S.C. Subchapter II) // Cornell Law School. LII Legal Information Institute. URL: https://www.law.cornell.edu/wex/administrative_procedure_act (дата обращения: 01.07.2024).

³ Copyright Act (U.S. Code: Title 17 – Copyrights) // Cornell Law School. LII Legal Information Institute. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/17> (дата обращения: 01.07.2024).

авторские произведения, зафиксированные в любом материальном средстве выражения, известном в настоящее время или разработанном позднее. В то же время суд делает ключевой вывод, что авторское право никогда не простиралось так далеко, чтобы защищать произведения, созданные новыми формами технологии, работающими без какой-либо направляющей человеческой руки, как на этом настаивает истец. Авторство человека является основополагающим требованием авторского права.

В дальнейшем аргументация суда сводится к тому, что он объясняет природу авторства, приходя к тому, что автором может быть только человек, который обладает творческими способностями. При этом он обозначает, что на данный момент (обращает на это особое внимание!) авторское право не может быть признано за юнитом искусственного интеллекта, однако в ближайшем будущем все может измениться.

В целом американский суд занял сходную с английским судом позицию относительно патентоспособности заявок, созданных с использованием юнита искусственного интеллекта. В данном деле английский регистрирующий орган и суды определили, что юнит искусственного интеллекта не может быть автором патента, поскольку

1) машина не может считаться автором в смысле патентного закона, поскольку автором может быть только человек, то есть персонифицированный субъект права;

2) машина не является лицом, следовательно, она не может передавать права на патент человеку;

3) собственник машины не имеет прав на изобретения, созданные его машиной;

4) заявитель не устранил недостатки патентной заявки, поскольку не указал изобретателя – человека; заявка считается отозванной [5].

Более того, судья по делу “DABUS” отметил, что право на изобретение возникает не у изобретателя, а у правообладателя, следовательно, для собственника юнита искусственного интеллекта такой способ приобретения права является первоначальным, а не производным¹. Следовательно, зарубежная практика также отрицательно подходит к возможности признания авторства юнита искусственного интеллекта за результатом интеллектуальной деятельности, включая изображения.

Дело “DABUS” в наиболее полном его понимании создает ряд проблем, с которыми сталкиваются современные правовые порядки:

- возможность признания авторства за юнитом искусственного интеллекта;
- возможность предоставления охраноспособности результатам интеллектуальной деятельности, полученным с использованием юнита искусственного интеллекта.

Как отмечается в зарубежных источниках, дело “DABUS” создало еще более значительную пропасть между правосубъектностью и изобретательскими возможностями юнита искусственного интеллекта, хотя такая машина и может действовать независимо от оператора в связи с наличием собственных нейронных сетей, работающих параллельно [6]. Авторское право само по себе нацелено на публичное распространение результатов интеллектуальной деятельности при условии предоставления защиты автору, а также на монетизацию соответствующих

¹ Thaler -v- Comptroller. [2021] EWCA Civ 1374. Case No: A3/2020/1851 // Courts and Tribunals Judiciary. URL: <https://www.judiciary.uk/judgments/thaler-v-comptroller/> (дата обращения: 01.07.2024).

Охраноспособность результатов использования искусственного интеллекта

результатов интеллектуальной деятельности. На наш взгляд, подобные решения английского и иных зарубежных правовых порядков относительно невозможности признания авторства изобретения за юнитом искусственного интеллекта необходимо рассматривать не с точки зрения формального соблюдения норм действующего законодательства, но с позиций участия такого объекта авторского права в гражданском обороте. Следовательно, авторство юнита искусственного интеллекта признавать на данный момент не следует.

Кроме того, отсутствует однозначная возможность правовой квалификации произведения, первоначально созданного с использованием искусственного интеллекта, но в дальнейшем модифицированного человеком. На наш взгляд, нецелесообразно признавать авторство за юнитом искусственного интеллекта.

В то же время возможность признания авторства за юнитом искусственного интеллекта наводит на крайне интересный вопрос, связанный с реализацией юнитом права на атрибуцию, то есть указанием на то, что произведение было создано юнитом искусственного интеллекта. Согласно Бернской конвенции такая возможность является доступной лишь для авторов – физических лиц¹, поэтому, на первый взгляд, такое право не является доступным для физического лица. При этом обозначенный выше опыт США, а также нарождающееся регулирование ЕС свидетельствует о том, что необходимость указания на авторство нейросети при использовании результатов ее применения установлена действующим

законодательством. В данном случае подобное уведомление потребителя относительно происхождения является публично-правовой обязанностью оператора юнита искусственного интеллекта. При этом нерешенным является вопрос относительно того, следует ли воспринимать данное указание как право на атрибуцию, или же следует воспринимать такую надпись как маркировку.

С нашей точки зрения, целесообразно воспринимать данное указание как маркировку, поскольку она связана не с тем, чтобы определить автора среди неопределенного круга лиц и таким образом обеспечить правовую охрану его результата интеллектуальной деятельности. В данном случае такое указание на происхождение результата интеллектуальной деятельности нацелено на предотвращение введения потребителя в заблуждение, а также исключение рисков, связанных с введением потребителей в заблуждение. Кроме того, по мнению Ю.С. Харитоновой, требуется создание критериев проверки результатов работы искусственного интеллекта для целей соблюдения прав и свобод граждан, защиты публичных интересов [7, с. 343]. Поэтому наличие подобной маркировки является своего рода предварительным уведомлением относительно потенциальной опасности подобного результата интеллектуальной деятельности, сгенерированного искусственным интеллектом.

Вряд ли за юнитом искусственного интеллекта может быть признана правосубъектность, поскольку таковая предполагает наличие автономии воли лица в контексте

¹ Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979). Дополнительный раздел. Специальные положения, относящиеся к развивающимся странам. Статья 3. Ограничение права на воспроизведение // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5112/ee8a532925f100deca956bc3d5236f459a7d5679/ (дата обращения: 01.07.2024).

осуществления тех или иных субъективных прав. По убедительному замечанию С.В. Третьякова [8, с. 53–54], категория гражданской правоспособности представляет собой объективно-правовое явление с вкраплениями субъективного компонента, которое представляет собой признаки объективного и субъективного права, когда *лицо наделяется правоспособностью правом порядком, а использование такой правоспособности происходит по инициативе самого лица*. Следовательно, наделение генеративных нейросетей правосубъектностью – ложный путь, поскольку они не обладают автономией воли, а изначально программируются разработчиками или поставщиками услуг искусственного интеллекта.

Кроме того, юнит искусственного интеллекта не является полностью автономной технологией, а действует в гражданском обороте через своего оператора, который обычно функционирует в качестве корпоративной структуры (акционерного общества или общества с ограниченной ответственностью). В этой связи не следует наделять юниты искусственного интеллекта правосубъектностью, поскольку частное право выработало собственные подходы относительно формирования модели за вред, причиненный подконтрольными объектами права собственности или третьими лицами, а также установления строгой ответственности для операторов нейросетей¹. Аналогичной позиции придерживается Л.Ю. Василевская, которая обозначает, что лицо, организовавшее создание искусственного интеллекта, при наличии указанных правовых оснований

приобретает не только права на соответствующие РИД – структурные элементы искусственного интеллекта (компьютерные программы, ноу-хау, изобретения и проч.), но и право на весь искусственный интеллект в целом [9, с. 40].

Любопытным также является вопрос определения правообладателя объекта интеллектуальной собственности. С учетом сложного технологического характера юнита искусственного интеллекта, а также процесса генерации контента, в ходе которого существует риск использования результатов интеллектуальной деятельности, находящихся под правовой охраной, актуализируется вопрос множественности авторов и правообладателей результатов применения искусственного интеллекта. Доктрина, прямо не отвечая на данный вопрос, предлагает в качестве потенциальных правообладателей результата интеллектуальной деятельности

- программиста;
- пользователя юнита искусственного интеллекта;
- собственника оборудования и оператора юнита искусственного интеллекта;
- саму программу, то есть юнит искусственного интеллекта [10].

С нашей точки зрения, целесообразно признавать правообладателем оператора юнита искусственного интеллекта, поскольку иное будет препятствовать монетизации использования результатов юнита искусственного интеллекта.

В контексте охраноспособности результатов интеллектуальной деятельности, полученных при помощи искусственного интеллекта, доктрина выделяет следующие подходы к их правовому обоснованию:

¹ В данном случае использование категории «третье лицо» в отношении юнита искусственного интеллекта является крайне условным, поскольку, строго говоря, юнит искусственного интеллекта не является лицом, а может рассматриваться в качестве объекта права собственности оператора, который может причинять вред в результате своего функционирования.

Охраноспособность результатов использования искусственного
интеллекта

- теория охраны объекта при «нулевом» авторстве, предполагающая возможность формирования отдельной правовой категории, отличной от объекта авторского права, которая приравнена к результатам интеллектуальной деятельности;
- теория охраны объекта в рамках «служебного» произведения, когда в отношении полученного произведения действует правовой режим, аналогичный получению результата интеллектуальной деятельности работником;
- теория работа-агента, когда предлагается признать за юнитом искусственного интеллекта статус субъекта права;
- теория перехода созданных объектов в общественное достояние, не предполагающая правовой охраны результата интеллектуальной деятельности [11].

Поэтому доктрина также не предоставляет какого-либо сформированного подхода к разрешению проблемы охраноспособности и правового режима результатов интел-

лектуальной деятельности, полученных с использованием искусственного интеллекта.

Таким образом, охраноспособность результатов применения искусственного интеллекта зависит от соблюдения трех критериев: 1) авторства, 2) творческого характера и 3) объективной формы выражения такого результата интеллектуальной деятельности. В любом случае юнит искусственного интеллекта не может быть признан автором произведения, поскольку он не является субъектом гражданского права. Творческий характер результатов применения искусственного интеллекта обусловлен осуществлением операций с использованием доступных для юнита данных. Факт указания на получение результата интеллектуальной деятельности с помощью алгоритмов искусственного интеллекта обладает характером маркировки и не должен восприниматься как подтверждение права на авторство юнита искусственного интеллекта.

Литература

1. *Алексеева О.А., Борминская Д.С., Горленко С.А. и др.* Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / Отв. ред. Е.А. Павлова. М. : Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте РФ, 2018. 927 с. ISBN 978-5-9500334-8-3. EDN CYDXMB.
2. *Балашова А.И.* Правовой режим результатов деятельности искусственного интеллекта: единство и дифференциация подходов // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. № 3 (41). С. 190–206. DOI: 10.58741/23134852_2023_3_20. EDN BSWVJA.
3. *Харитонова Ю.С.* Правовой режим результатов деятельности искусственного интеллекта // Современные информационные технологии и право : монография / Московский госуниверситет имени М.В. Ломоносова, Юридический факультет / Отв. ред. Е.Б. Лаутс. М. : Статут, 2019. С. 68–83. ISBN 978-5-8354-1578-6.
4. *Ивлиев Г.П., Егорова М.А.* Юридическая проблематика правового статуса искусственного интеллекта и продуктов, созданных системами искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 6. С. 32–46. DOI: 10.12737/jrl.2022.060. EDN ANAGTU.
5. *Будылин С.А.* Дело об изобретательной машине, или Охраняются ли результаты интеллектуальной деятельности искусственного интеллекта? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 5. С. 86–105. DOI: 10.37239/2500-2643-2022-17-5-86-105. EDN TNVYTI.

6. *Kenneth-Southworth E., Li Y.* AI inventors: Deference for legal personality without respect for innovation? // *Journal of Intellectual Property Law & Practice*. 2023. Vol. 18. No. 1. P. 337–358. DOI: 10.1093/jiplp/jpac111. EDN DTNTAN.
7. *Харитоновна Ю.С.* Правовые средства обеспечения принципа прозрачности искусственного интеллекта // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023. Vol. 1. No. 2. P. 337–358. DOI: 10.21202/jdtl.2023.14. EDN DXNWHV.
8. *Третьяков С.В.* Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике. Дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. М., 2022.
9. *Василевская Л.Ю.* Искусственный интеллект: проблемы гражданско-правовой квалификации // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2023. № 5 (105). С. 32–40. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.032-040. EDN НКGAQM
10. *Ролинсон П., Ариевич Е.А., Ермолина Д.Е.* Объекты интеллектуальной собственности, создаваемые с помощью искусственного интеллекта: особенности правового режима в России и за рубежом // *Закон*. 2018. № 5. С. 63–71. EDN XNGEJN
11. *Евтеева Е.В.* Охраноспособность объектов, созданных искусственным интеллектом: теоретическое обобщение // *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. 2022. № 3 (37). С. 97–110. EDN CIRNIS.

References

1. Pavlova E.A. (Ed), Alekseeva O.L., Borminskaya D.S., Gorlenko S.A., et al. (2018) *Kommentarii k chasti chetvertoi Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Comment to the fourth part of the Civil Code of the Russian Federation (article by article)] Moscow : Private Law Research Center named after S.S. Alekseeva under the President of the Russian Federation Publ. 927 p. ISBN 978-5-9500334-8-3. (In Russian).
2. Balashova A.I. (2023) The legal regime of artificial intelligence activity results: Unity and differentiation of approaches. *Journal of the Intellectual Property Rights Court*. No. 3 (41). Pp. 190–206. DOI: 10.58741/23134852_2023_3_20 (In Russian).
3. Kharitonova Yu.S. (2019) Legal regime for works created by artificial intelligence systems. In: Lauts E.B. (Ed) *Sovremennye informatsionnye tekhnologii i parvo* [Modern information technology and law] : Monograph. Moscow : Statute Publ. Pp. 68–83. (In Russian).
4. Ivliev G.P., Egorova M.A. (2022) Legal issues of the legal status of artificial intelligence and products created by artificial intelligence systems. *Journal of Russian Law*. Vol. 26. No. 6. Pp. 32–46. DOI: 10.12737/jrl.2022.060 (In Russian).
5. Budylin S.L. (2022) The case of the ingenious machine, or Are the intellectual results of artificial intelligence protected? *Herald of Economic Justice*. No. 5. Pp. 86–105. DOI: 10.37239/2500-2643-2022-17-5-86-105 (In Russian).
6. *Kenneth-Southworth E., Li Y.* (2023) AI inventors: Deference for legal personality without respect for innovation? *Journal of Intellectual Property Law & Practice*. Vol. 18. No. 1. DOI: 10.1093/jiplp/jpac111
7. Kharitonova Yu.S. (2023) Legal Means of Providing the Principle of Transparency of the Artificial Intelligence. *Journal of Digital Technologies and Law*. No. 2. Pp. 337–358. DOI: 10.21202/jdtl.2023.14
8. *Tret'yakov S.V.* (2022) *Razvitie ucheniya o sub'ektivnom chastnom prave v zarubezhnoi tsivilistike* [Development of the theory of subjective private law in foreign civilization] : Dr. Sci. Diss. (Law) : 12.00.03. Moscow. (In Russian).

9. Vasilevskaya L.Yu. (2023) Artificial Intelligence: Problems of civil law qualification. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. No. 5 (105). Pp. 32–40. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.032-040 (In Russian).
10. Rolinson P., Arievich E.A., Ermolina D.E. (2018) Intellectual property created using artificial intelligence: special features of the legal framework in Russia and other countries *Statute*. No. 5. Pp. 63–71. (In Russian).
11. Evteeva E.V. (2022) Protection of objects created by artificial intelligence: Theoretical generalization. *Journal of the Intellectual Property Rights Court*. No. 3 (37). Pp. 97–110. (In Russian).

Поступила в редакцию: 25.08.2025

Received: 25.08.2025

Поступила после рецензирования: 19.09.2025

Revised: 19.09.2025

Принята к публикации: 02.10.2025

Accepted: 02.10.2025